впервые оказавшись на съемочной площадке. Потом такие же букеты ей дарила Мерседес, неизменно сопровождая свой подарок каким-нибудь изречением. Грета навсегда запомнила слова подруги о том, как схожи между собой любовь и цветы - и то и другое поначалу радует, но со временем увядает и начинает доставлять неудобства. "В жизни нет ничего постоянного. Никогда не следует произносить само слово "вечно", особенно применительно к любви, ибо это всегда подобно святотатству. Никто не способен понять, действительно ли он с этого момента проникся истинной любовью или же, попросту дав клятву, тотчас забудет о ней".

Гарбо никогда не забывала этих слов Мерседес. Узнав о публикации ее мемуаров, актриса мысленно прокляла ее. Но, когда в 1968 году Мерседес не стало, Гарбо попросила положить в гроб подруги букетик белых лилий. Но излишнюю откровенность она ей так и не простила.

Как не простила и фотографа Сесиля Битона, с которым ее связывала нежнейшая дружба, за его книгу "Беглые заметки". Впрочем, в своих "заметках" Сесиль действительно сказал немало обидного: "Она не любит вмешательства в ее жизнь. Бывает, доведенная до предела, она бросается в слезы и запирается у себя в комнате на несколько дней, отказываясь впускать даже горничную. Она даже не в состоянии читать. По этим причинам она неспособна развиваться как личность. Прекрасно, что она оберегает себя от тлетворного влияния Голливуда, но Гарбо теперь настолько замкнулась в самой себе, что даже когда время от времени позволяет себе отдых, он не становится для нее событием.

Ее ничто и никто в особенности не интересует, она несносна, как инвалид, и столь же эгоистична и совершенно не готова раскрыть себя кому-либо; из нее получилась бы занудливая собеседница, постоянно вздыхающая и полная раскаяния. Она суеверна, подозрительна, ей неизвестно значение слова "дружба". Любить она тоже не способна".

И каково было читать все это ей, действительно не впускавшей в свою жизнь даже друзей? "Может, выпьем вечером чаю? - спрашивали ее приятели. - Нет, я не люблю чай. - А не съездить насчет твоих слов... Давай будем считать их не очень удачной шуткой. Но это простительно - ты же фотограф, а не юморист.

- Вот именно, Грета, фотограф! Смотри, что появится в завтрашних газетах.

Сесиль достал пачку фотографий и бросил их на журнальный столик. Взяв одну из карточек, Гарбо вздрогнула: на нее смотрела постаревшая женщина с усталыми глазами, которые окружала довольно заметная сеточка морщин. На фотографиях была неизвестная Гарбо, проигравшая свою борьбу с возрастом.

- Если ты не хочешь выйти за меня замуж и сделать меня официальным наследником, тебе все равно придется расстаться с деньгами. Эти негативы дорого стоят. А еще...

Но Гарбо уже ничего не слышала. Она медленно повернулась и направилась к выходу. Придя домой, она распорядилась, чтобы ее адвокаты оформили сделку с фотографом, а сама, как это всегда бывало в дни депрессий, отправилась в Стокгольм...

Ее нынешний приезд в родной город тоже был вызван очередным приступом отчаяния. В 65 лет Гарбо осталась совсем одна - без друзей, без подруг и самое страшное - без прошлого, с которым она отчаянно боролась всю свою жизнь. Может, поэтому она так любила музеи? Бывая в них, Гарбо физически чувствовала, что время можно остановить. Работы Ренуара, Модильяни, Пикассо, которые Грета скупала на аукционах, делали и ее нью-йоркскую квартиру похожей на музей, где время - она была в этом уверена - тоже остановилось.

Женщина поднялась с кресла и, подойдя к зеркалу, надела шляпу. До отъезда в аэропорт оставалось три часа. Она вполне успевала зайти в ресторан. "Нет-нет, я не буду ничего заказывать, - сказала Гарбо встретившему ее на входе метрдотелю. - Пожалуйста, передайте эту записку тому господину, который сидел утром вот за тем столиком. Хорошо?"

Достав из сумочки перьевую ручку, она написала на листе бумаги: "Грета Луиза Густафсон", сложила его пополам, передала метрдотелю и вышла.

Игорь ИЗГАРШЕВ

Фото из книги о Грете Гарбо

На фото:

Гарбо и Сесиль Ротшильд на парижских улицах, 1979 год. Одна из последних фотографий актрисы.

- Так что же ты тогда любишь? - Я люблю спать.

ли нам на выходные к морю? - Я не люблю ездить к морю. - Так что же ты тогда любишь? - Я люблю спать". Подобные диалоги, оскорблявшие окружающих, были для Греты нормой.

Битону подобные взаимоотношения, судя по всему, основательно осточертели. Они познакомились уже в пятидесятых, когда Гарбо покинула мир кино. Для знаменитого фотографа сделать снимки великой актрисы было делом чести, и он попросил Мерседес (тогда женщины еще были близки) познакомить его с Гретой. Встреча состоялась, и Сесиль уговорил Гарбо попозировать ему. Фотографии получились великолепными: Гарбо, которой к тому времени было за пятьдесят, выглядела на них совсем юной. Портреты актрисы, выполненные Битоном, разошлись по миру, а между фотографом и Гарбо завязались довольно близкие взаимоотношения.

Они часто встречалась, вместе обедали, обсуждали последние новости. Во время одной из таких встреч Грета рассказала Битону о предложении, которое ей сделали американские продюсеры, - сыграть на Бродвее. Правда, в последний момент те отказались подписать с актрисой контракт. "Ну почему?" - спросил Битон. "Кто знает? - пожала плечами Гарбо. - Я согласилась на все их условия. Только потребовала, чтобы из зрительного зала убрали первые шестнадцать рядов. Для зрителей я должна оставаться такой же, какой запомнилась по своим фильмам".

Внешность была для Гарбо больной темой. Она прекрасно знала цену своей красоте и хотела, чтобы та оставалась неизменной. Фраза Мерседес о вечности в данном случае не имела для нее никакого значения. Для того чтобы остаться для всех такой Гарбо, которой привыкли восхищаться, в 1942 году она перестала сниматься в кино и запретила фотографировать себя. Поэтому ее и привлек Сесиль Битон, сумевший на своих карточках сделать ее молодой.

ЖИЗНЬ В МУЗЕЕ

"ГРЕТА, ты можешь со мной встретиться? Прямо сейчас", - голос Битона в телефонной трубке заметно дрожал. "Боже мой, что случилось? Я еду". Через несколько минут Гарбо была в квартире Битона.

- Я должен с тобой серьезно поговорить. Наши отношения давно ни для кого не секрет...

- Ты имеешь в виду нашу дружбу?

- Да. И я считаю, что пришло время, чтобы ты стала моей женой. Ты должна согласиться.

- Милый мальчик, ты, наверное, забыл, что я уже очень давно никому и ничего не должна. А